ИСТРЕБИТЕЛЬ

Глеб Исаев

Война не спрашивает, сколько душ в тебе.
Она спрашивает, на чьей стороне ты стреляешь

Глеб Исаев
Истребитель

https://litres.ru/75035628
SelfPub; 2026

Аннотация

Летчик Говоров должен был умереть: первый раз — над своей землей, в сбитом истребителе. Второй — в кабине вражеского «мессершмитта». Но тяжелый медальон, который мать сунула ему перед отправкой на фронт, распорядился иначе.

Теперь Павел — Пауль Кранке, ас люфтваффе, кавалер Рыцарского креста.

Вот только сам Пауль никуда не исчез: он живет у него в голове, и не собирается уступать. Чтобы не сойти с ума, приходится учиться быть одним человеком. В чужой форме, в чужой стране, среди людей, которых он ненавидит.

Но абвер заинтересовался вернувшимся летчиком. Доктор Келлер видит в нем не шпиона — редчайший экземпляр. И не собирается прерывать эксперимент.

У Павла осталась одна задача: выжить, не потерять себя и помочь своей стране победить врага.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 46
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глеб Исаев
Истребитель

Глава 1

Этот боевой вылет ничем не отличался от прочих. Все как всегда. «Пешки», утробно гудя двигателями, зашли на густо заставленную вагонами узловую станцию, отбомбились, а четверка истребителей сопровождения попыталась связать звено «мессеров».

Минута-другая -и воздушный хоровод распался. Разошлись, как говорится, краями.

Задымил, вывалился из боя немецкий истребитель, но досталось и нашим. Осыпала горошинами по фюзеляжу «ишачка» случайная очередь. Его мотор закашлял, и машина начала ощутимо заваливаться на крыло. Павел оглянулся: чуть сбоку, за левым крылом, -едва заметная радуга от вытекающего из пробоины топлива.

Качнул машиной, привлекая внимание командира звена, чей самолет оказался совсем рядом. Даже на таком расстоянии было видно, как Андрюха беззвучно шевельнул губами,

выругался и в сожалеющем жесте развел ладонями. Понятно без слов. Жаль, но что делать -приказ есть приказ. Наша задача -вести «петляковых» до базы. Дальше -сам.

Пилот проводил взглядом исчезающие в белесой дымке машины товарищей и сосредоточился на управлении.

- Ети его... -несвязно, но от души выругался он.

«Ну вот, раскудахтался...» -подумал Павел и, уже не раздумывая, дернул карабины, проверяя крепление парашюта.

Тишина упала, словно опустился стеклянный купол. Винт провернулся и встал колом. Проявились ободранные красно-белые полосы краски на лопастях.

«А Кузьмич их даже покрасить не успел...» -с несвоевременной сентиментальностью вздохнул Павел и коротко хлопнул ладонью по фанерному борту кабины: - Прощай, старичок, и не обессудь.

Истребитель клюнул кургузым носом и ушел в пикирование. Не круто пока, но с каждым мгновением все больше заваливаясь и ускоряясь.

«Пора», -решился Павел. Неловко, борясь с перегрузкой

и цепляясь за рычаги, будто купальщик из узкой лодки, перевалился за борт.

Ударил по спине, словно сшитый не из тончайшего шелка, а из грубого брезента, дернул, расправляясь, купол.

Земля приблизилась. Мелькнула чуть левее тревожная зелень деревьев, пара серых от дождей прошлогодних стогов - и вот уже ступни ощутили приличной силы удар.

Унты скользнули по свежей траве. Уже заваливаясь набок, исхитрился погасить купол. Наконец стропы ослабли. Подскочил, завозился, отстегивая сбрую. Короткая перебежка по полю -и вот уже парашют исчез в глубине слежавшегося сена.

Павел выждал пару секунд, восстанавливая нарушенное падением с высоты давление в голове, и рванул в сумрак небольшой рощицы.

На бегу машинально сунул руку под гимнастерку, нащупал теплый металл на груди. Материнский подарок.

Перед самой отправкой на фронт, на вокзале, когда он уже стоял в тамбуре теплушки, а состав тронулся, мать сунула ему в ладонь тяжелый медальон на толстой цепочке. Слезы

текли по ее лицу, но голос был твердый:

- Носи, сынок. Не снимай. Это прадеда твоего, Матвея. Он в Первую мировую на «Моране» летал, а потом в разведку ходил. Якобы оберег для тех, кто в небе. А у меня ты один...

Павел тогда хотел возразить, сказать, что он комсомолец, что талисманы -это пережиток. Но мать уже перекрестила его молча, и он, сжав медальон в кулаке, только кивнул.

С тех пор носил его под гимнастеркой. Привык, и даже не замечал порой.

Но сейчас, в первые минуты после прыжка, медальон странно нагрелся.

Павел даже остановился на секунду. Показалось, что-то пульсирует, словно бьется под гимнастеркой маленькое сердечко.

«Наверное, от беготни натер» , - решил Павел. А может, от нервов. Кто его разберет.

Хлопнул по груди, выдохнул, и побежал дальше.

Чуть отдышался, развернул карту: «Как ее, эту речку зовут? Зыбь. Похоже, она и есть» , -провел пальцем по гладкой поверхности карты. -Чуть дальше -овраги и точка села.

Маленькое, даже название не пропечаталось или стерлось на сгибе. Одно радует -деревня в восточном направлении. Значит, подъем.

Спрятав карту, вытряхнул из планшета бумаги, скомкал и поджег. Пепел, схваченный теплым ветерком, исчез, разлетелся по полю.

«Вперед» , -скомандовал себе Павел и неловко, запинаясь о засохшие комья земли, побежал через открытое пространство. Однако в середине пути выдохся. Рухнул в тени развалленной копны и попытался восстановить дыхание.

- Говорила мама: учись, балбес, музыке, -невесело пошутил летчик. И тут же поправился: -Музыка не музыка -все одно, если суждено, собьют. Серегу, вон, в первый же вылет... свои и... зенитчики «садят» без разбора. Бах-бах -и нет Сережи. А тут, считай, повезло.

Пока петлял по сенокосу, перевалило за полдень. Жара чуть спала.

«Может, лучше было на вынужденную пойти?» -вернулись мысли к пережитому. - «Лучше-то лучше. Да вот вопрос. А ну как у немцев? Точно „переход с машиной“ впаяют

и даже „пропал без вести“ не удостоят» .

Как там в присяге?.. «Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся» .

Лучше уж так. Пешочком. Да и куда тут сядешь?

Наконец бугры закончились, и летчик вышел на проселочную дорогу. Она, петляя, уходила к пригорку.

Поднявшись на холм, осмотрел раскинувшиеся перед глазами окрестности: «Красота» . До самого горизонта поля, перерезанные редкими перелесками, а чуть левее виднеются какие-то точки.

Он двинулся к деревне, повторяя в такт шагам: «Все выше, и выше, и выше...» Дичь, но мысли отгоняет.

Однако про музыку Паша вспомнил не для красного словца. Он и впрямь учился музыке. После школы, когда вместе с аттестатом получил диплом музыкалки, подал документы в консерваторию. Класс рояля -звучит. «Весь вечер за роялем» . Все лучше, чем «Весь вечер на манеже» . Но промучился год и заскучал. А когда однажды в их «консерву» при-

шел летчик набирать в авиашколу, Павел понял -это судьба.

Прошел комиссию, подал заявление. Только получив письмо с вызовом, сообщил матери. Жестоко, конечно. Однако радость так ослепила, что ни о чем не подумал. Авиашкола, потом «Борис и Глеб», как прозвали в народе Борисоглебское училище летчиков истребительной авиации.

Пресловутый приказ 0362 от 22 декабря 40-го встретил уже в полку. Потому и успел получить младшего лейтенанта, хотя в казарму все же перевели. Да и ладно. Это семейным туго пришлось. Попробуй отправь семью, как предписывал строгий документ, на родину -и всего за две тысячи. А холостому -ерунда. Свои тридцать часов налета он из училища привез. Только привык, осмотрелся -и на тебе...

«...В четыре часа утра, без объявления... Киев бомбили» , -а дальше по тексту. Голос товарища Молотова сообщил новость.

«Какая тревога? Аж руки зачесались. Да мы их на тряпки порвем! В первый вылет, как на парад, собирались. А вернулось -треть группы. Это уже после, втянулись. А когда их над танковыми колоннами полетали, да поняли, что это, как сказал Ильич, „всерьез и надолго“...»

Павел даже оглянулся. Его шуточки, иной раз до неприличия острые, уже вызвали задумчивый взгляд политрука и вполне могли стать лыком в строку.

«...А не было ли у вас, гражданин, умысла на теракт? Ох, разошелся. Дойти еще надо» .

За воспоминаниями и не заметил, как отмахал километра четыре. А по жаре это совсем немало. «Ноги отваливаются. Но дойдем. Немного. Вот и околица показалась» . В мягком свете зависшего у горизонта светила показалось, что деревья над маленькими домишками засветились церковными свечками.

«Надо же, в детстве бабка всего раз сводила, а в память запало» .

Павел спустился с горки, перешел трухлявый мосток через невзрачную речушку с кувшинками и осокой и, пошаркав сапогами, вступил в населенный пункт. Не то чтобы шел наобум.

Постоял, внимательно наблюдая: «Никого, словно вымерли. Может, сбежали? Вряд ли. Тогда бы ставни позакрывали. А если бы увезли -хоть собаки выли бы. А тут тишина» . Шел спокойно, слегка помахивая отломанным прути-

ком. «Наглость -второе счастье. Но не до темноты же в кустах сидеть?»

Возле первой хаты остановился. Тихо. Негромко позвал:

- Эй, хозяйка? Кто живой есть?

«Понятно. Идем дальше. Деревушка-то всего пятнадцать дворов, но сельсовет должен быть. Уж это как пить дать» .

Обойдя с десяток, забеспокоился. В следующий двор проник, легко перепрыгнув невысокий заборчик.

«Знаем мы этих... Молчит-молчит, а потом галифе на портянки» , -опасливо оглянулся Павел.

Крыльцо скрипнуло под сапогами на удивление музыкально. Тепло и чисто. Павел коротко стукнул костяшками пальцев по доскам и шагнул в сени, пахнувшие травами и пылью. Несколько шагов сделал наугад, пока глаза не привыкли со света. Перекинул пистолет в левую руку и потянул ручку на себя.

Сумрак и прохлада избы. Русская печь, стол из потемневших от времени досок, буфет с резным верхом и вечная зелень герани на окне. Короче, чистота и уют. Картинку порти-

ла только плетеная из разноцветных полосок ткани дорожка, волной улетевшая к печи.

Павел выпрямился и, не сводя глаз с входа, собрался шагнуть дальше, из кухни в комнату.

- Ну что ты шлындраешь, полы топчешь? -прозвучал скрипучий старческий тенорок.

Донесся он из угла кухни, где, как Павлу показалось, еще секунду назад никого не было. Голос вызвал легкий озноб. И тут Павел увидел, что в красном углу, прямо под иконами с потемневшим от времени окладом, сидит хозяин. В истертом треухе, ватных штанах и валенках. Дед усмехнулся, собрав морщины на небритых щеках, и продолжил:

- Что, Паша, боязно? Иль как?

Говоров замер. Да и что тут ответить, если все неправильно.

- Присядь, милок, а то стоишь как оглобля, -ткнул старик скрюченным пальцем в табурет.

- Летчик я, истребитель. Возвращался с задания. Подбили, пришлось прыгать. Чья деревня? Немцев нет? А ку-

да народ подевался? -выпалил Павел заготовленный заранее текст.

- Не трынди ты, -поморщился хозяин. -Сам знаю, что летчик. Прохлопал давеча на вираже немчина, вот он тебе и впаял по самый... А так считаю -и верно. Ты уж будь добр, не зевай, милок, ежели воевать взялся... Да ладно, теперь чего уж воздух трясти. Дело оно сноровки требует.

Летчик, сообразив, что дедок явно не в себе, поднялся, сокрушенно махнул рукой и дернул ручку, собираясь выйти из дома. Но тут ноги подкосились, и Павел хлопнулся на неведомо как возникший под ним табурет.

- А говоришь -не в себе... -расплылся в усмешке ехидный старикан. -Слушай, не перебивай, а то обижусь. Война, Пашенька, будет страшная. А ты словно в бирюльки играешься. Хочешь, научу, как немцев одолеть? Только для того тебе придется, милок, им самим стать.

«Провокатор?» -обомлел Павел и потянулся к висящей на поясе кобуре, но вдруг передумал. - «Какой еще провокатор? Совсем от кислородного голодания охренел? Нет его. Чудится мне это...»

- Не мучь ты себя, -словно расслышав его мысли, вступил

дед. -Звать меня... ну, если хочешь, Иваном. Или дед Иван, уж как сподручней. Кто я -про то знать не велено. Так ответь мне наконец, горе луковое: хочешь аль нет врагов бить и силу на то иметь? -слегка осерчал сказочник.

- Бить -да. Конечно. А что до силы? Так я вроде и не слабый? -повел плечами паренек. -Здоровье есть.

Дед сердито поморщился, махнул сухой ладонью, предлагая молчать:

- Главное сказано. Об остальном -после. Плесни-ка водицы из жбана, -указал дед Иван на стоящее возле печи ведро, прикрытое чистой тряпицей.

Павел, уже ничему не удивляясь, встал и зачерпнул половину ковша. Поднес к столу, собираясь подать старику.

- Сам пей, -приказал тот.

Пилот глянул удивленно.

- Пей, сказал, -рявкнул хозяин так, что дрогнули стекла.

Паша поднес ковш ко рту и глотнул прохладной воды. «Вкусно как?» -поразился он. Даже после выпускной гулян-

ки, когда отходил с жуткого похмелья, не казалась ему вода такой сладкой. Сам не заметил, как допил всю. Опустил ковш -и словно волна прошла по телу. Он ощутил в себе такую силу, что даже оробел.

- Ох, ты... -выдохнул гость.

- Почуял? -не то спросил, не то подтвердил дедок ехидно.

- Не все. Еще давай, -он снова кивнул на ведро. Второй заход Павел сделал уже без страха. Но вода показалась ему уже другой -с легкой горчинкой, и ударила в голову, как свежая брага.

Однако дурман прошел, а в голове закрутились мысли. Чувство было такое, словно давно забытое что-то вспомнил, и сейчас вертится в голове ответ и вот-вот отыщется.

Третий ковш набирал с опаской. Предчувствуя. Да и советчик его построжел.

- Вот, Паша, самый главный миг. До дна выпить нужно. Как бы тяжко ни стало. До дна.

- С богом, -благословил он.

Причину напутствия осознал, едва глотнул. Вкус не поменялся. Только с каждым глотком менялось в душе у паренька. Горесть появилась, или печаль. Но совсем невмоготу стало к середине. Потекли невольные слезы. Да что потекли -ручьем хлынули. Грудь сдавило такой болью, что никаких сил терпеть. Однако сжал ручку так, что хрустнули костяшки пальцев, сжал, но осилил.

Схлынул морок. Исчезла боль и тревога. Пришло понимание. Чего-то важного, такого, чему и названия нет.

Павел взглянул на благостно улыбающегося старика:

- Ну что, дед Иван? Выполнил я урок?

- Выполнил, -согласно кивнул тот. -Молодец. Да и то сказать -пора мне уже. Напоследок вот что скажу. Сам все поймешь. Понемногу спознаешь. Но помни -не я один такой. А вот крестника его ты обязательно когда-нибудь встретишь. По отметине его признаешь. Тогда и будет твой день страшный и для кого-то последний. Для кого -мне неведомо. Что суждено, то и будет. А пока ступай, Павел, ступай с богом.

Он встал и легко, но словно касаясь лучиком света, перекрестил гостя. А Павел понял -ни спрашивать ни о чем, ни говорить с ним дед больше не будет. А лучше для всех, что-

бы ушел он из этой хитрой горницы как можно скорее. Он встал, развернулся и в два шага вскочил в темные сенцы.

Солнце ударило в глаза, ослепило. Прикрыл глаза ладонью, а когда убрал -увидел, что нет вокруг ни домов, ни огородов. Стоит Паша посреди луга и глядит на скошенную траву. Повернул голову. Сколько хватает глаз -только поля и редкие березовые перелески. И никакого намека на деревеньку.

«Заснул, голову напекло, вот и привиделось» , -облегченно выдохнул летчик. - «Тоже мне Илья Муромец» , -усмехнулся он чудной истории.

...На самом деле все было проще и прозаичнее. Деревня, в которую он забрел, оказалась нежилой -выселенной еще в прошлом году. А «дед Иван» был всего лишь галлюцинацией от кислородного голодания, контузии после падения и дикого стресса. Вода из колодца -самая обычная, родниковая. А прилив сил, который он ощутил, -адреналин и начало чего-то странного, что Павел пока не мог объяснить. Где-то на самом дне его сознания, еще не осознавая себя, уже шевелилась чужая память. Память человека, который в этот же миг падал в штопоре над Восточной Пруссией, сжимая в руке такой же, как у Павла, странный медальон. Но об этом Павел узнает позже.

И тут приметил столб пыли, поднятый подскакивающей на колдобинах «полуторкой». Он сорвался и побежал к дороге, огибающей поле, размахивая руками и крича водителю.

Три часа в кузове, ночь в комендатуре захолустного городка -и уже на следующий день вернулся в часть. Что и говорить, кругом повезло. Упади раньше -так просто бы не отделался.

В казарме тишина и покой. Все на поле.

«Рассчитывать на машину глупо. Вдоволь надежурюсь» , -расстроенно думал он, лежа на кровати.

В штаб вызвали, едва задремал. Пригладил вихры и рванул.

«Ясно, что не за орденом. Сейчас всю душу вымотают» , -огорчился летчик.

Однако командир полка лишь укоризненно ткнул пальцем в донесение, где, как следовало понимать, был отражен и его «подвиг», заговорил о другом:

- Ты, Паша, нынче у нас безлошадный, так что готовься. Завтра едешь получать новые машины и на учебу, будешь осваивать.

«Невиданное дело?» -изумился лейтенант. - «Хотя... По сути, работа нервная. Пока изучишь -загрузит. Проблем выше головы, а уж если что не так, то, как водится, по закону военного времени. Мало не будет» .

Однако узнал, что ехать придется не куда-нибудь, а в родной Новосибирск, где на заводе № 153 и клепали «крылья Родины», как назвал товарищ Главковерх, истребители. «Отпуск -не отпуск, но совсем другое дело» .

- Слушай, Павел Тимофеевич, -внезапно обратился комполка к подчиненному не по уставу. -Не пойму, ты, никак, подрос? Или повзрослел? Давно пора, а то все пацан пацаном.

Назад бежал как на крыльях. Объяснять не надо, какая радость -родных повидать. И только на подходе сообразил: «Я в тыл, а ребята „на боевые“?» -но долго не переживал. - «Наверстаю» .

В расположении эскадрильи его встретил комэск.

- Дошел? Молодец. А я ведь понял -это ты меня прикрыл, когда «мессер» выскочил. Мое железо было, -сказал приятель, когда, сидя в курилке, вели разговор о произошедшем.

- Да ладно тебе, -смутился Павел. -Я по плоскости, да по хвосту получил, а тебе он в кабину целил. Там бы ты и остался, а так обошлось. Все живы-здоровы. А я зато домой, учиться на новые машины еду, -перевел он разговор с неудобной темы.

- Так что, может, я специально это так подстроил? -улыбнулся Говоров.

Андрюха недоверчиво покачал головой, но от комментариев воздержался.

Случай, несомненно, из ряда вон выходящий. Был один момент, который командир не счел нужным довести подчиненному. Самолеты были не привычные «ишачки», а новые ЛаГГ-3, которые только начали поступать в войска. Машины новые и, что греха таить, еще сырые. Вот так и выпало лейтенанту Говорову в самый разгар военных действий попасть на родину.

Возвращался через две недели. Учеба оказалась хотя и трудной, но интересной.

Глава 2

Павел лежал на верхней полке набитого до предела вагона и со скуки вспомнил о встрече со стариком, что приснилась ему тогда в поле. И вдруг навалилось сомнение. Уж больно все живо в памяти сохранилось. Со сном что-то не так. А с другой стороны -чудес не бывает. Это Паша знал точно.

Наконец задремал и проснулся только от сдавленного крика в тамбуре. Благо, что место ему досталось в самом конце поезда. Он прислушался и решил пойти покурить. Вагон к полуночи утихомирился, и только из разных углов доносился заливистый храп неловко устроившихся пассажиров. Павел спрыгнул в проход, натянул щегольские сапоги и, расправив под ремнем гимнастерку, двинулся к выходу.

Картина в грязном тамбуре не то что удивила -расстроила. Трое блатных, приставив к горлу своей жертвы нож, сноровисто обшаривали ее карманы. Женщина, боясь шелохнуться, замерла, прижавшись к стенке вагона, и только жалобно попискивала, когда мучитель прижимал лезвие чуть сильнее.

- Эй, вы чего это? -рявкнул лейтенант.

- Брысь, вояка, перо схлопочешь, -ощерился детина, повернув в его сторону испещренное оспой лицо.

Павел понял: ждать не резон. Вложив в удар всю силу, въехал бандиту в челюсть. То, что случилось, поразило не только подельников, но и самого защитника. Крепкий, откормленный мужик вдруг словно подпрыгнул и рухнул замертво. Приятели покойного вышли из ступора и кинулись на неожиданного защитника. Кулак Рябого, что мог свалить и быка, соприкоснулся с челюстью летчика, но словно наткнулся на бетонную стену. Из разбитых костяшек брызнула кровь. Бандит согнулся вдвое, затряс покалеченной кистью. А тут и третий нападающий наткнулся на локоть Павла.

Треск грудной клетки, жалобное сипение. Урка свалился на уже остывающего товарища. Легкий удар начищенным сапогом под зад все еще согнутого пополам Рябого вогнал его головой в железную дверь тамбура, а когда тот повалился назад, в толстом металле оказалась вмятина размером в мяч. С момента начала схватки прошло каких-то пять секунд, а тамбур уже напоминал поле брани. Летчик перешагнул через тело бандита и потянул онемевшую жертву в вагон.

- Успокойтесь, гражданочка. Идите на свое место, а я вызову милицию, -он проводил всхлипывающую от пережитого ужаса пассажирку в ее купе, а сам отправился к проводни-

кам. Сообщив о неудачной попытке грабежа, дождался наряда поездной милиции. Старшина открыл дверь в тамбур и присвистнул.

- Ого, -сбил он фуражку на затылок. -Вот это здорово!

Записал показания, осмотрел тела, выслушал потерпевшую и тихонько произнес:

- Товарищ лейтенант, это же Семка Рыжий, на нем восемь трупов. Как ты их один-то? -от изумления перешел на «ты» старый милиционер. -У двоих, вон, стволы, а ты голыми руками? Ну, силен. Или, может, железом? Хотя, какое тут железо, -он провел пальцем по вмятине. -Не волнуйся, лейтенант, правильно, что этих нелюдей положил. Они на три вышки уже себе заработали.

Павел вернулся на свое место и задумался. Тот всплеск силы, что произошел в момент опасности, привел в искреннее изумление. Чего себе льстить, не Геркулес, да и не с руки было в свое время студенту консерватории учиться морды бить. Руки берег.

Екнуло в груди у Павла: «Неужели медальон тот? Так ведь не было этого? Или все же было?» -похолодел он.

Машинально сунул руку под гимнастерку, нащупал знакомый металл. Медальон был холодным, как всегда. Но сердце билось так, словно он только что пробежал стометровку. И тут, словно эхо, в голове пронеслась странная мысль -не его, чужая:

«Gut gemacht, Kamerad».

«Что за хрень?» -Павел даже привстал на полке, оглядываясь. Но вокруг все спали. «Наверное, от нервов. Или от удара» . Он снова устроился поудобнее, но сон уже не шел.

Так и не решив для себя ничего, заснул. Однако разговоров в вагоне хватило на всю дорогу. Пассажиры с уважением поглядывали на смелого летчика. И на удивление спокойно прошел остаток пути. Только хотел было перебравший самогонки мужичок затянуть разудалую песню, как доброхоты мигом приструнили буяна, обещав пожаловаться летчику.

В часть вернулся на седьмой день. Под ударами немцев линия фронта откатилась на триста километров, полк перебазировали, и пришлось долго плутать, разыскивая полевой аэродром.

Состав с новыми машинами ждал с особым нетерпением. Дежурить Паше обрыдло. Боевые вылеты следовали один за

другим. И потери в полку росли. Он извелся, наблюдая, как товарищи уходят на задание.

Необременительная вахта оставляла вагон свободного времени. Сидя в дежурке, от скуки взялся листать устав тактики. И с изумлением заметил, что принимаемые еще недавно за постулат статьи теперь выглядят совершенно иначе. Да и как можно принимать всерьез указание атаковать тройкой? Выходит, в бою участвует только ведущий, а ведомые лишь прикрывают его, временами больше мешая друг другу.

«Нужно сократить время боестолкновения, тогда и необходимость в плотном прикрытии пропадет. Первым засечь врага, выйти с запасом скорости и высоты, ударить и исчезнуть» , -отыскал естественное, на его взгляд, решение летчик.

И тут в голове всплыла чужая картинка: два «мессера» заходят в атаку с разных сторон, прикрывая друг друга. Ведущий бьет, ведомый страхует. Откуда он это знает?

Павел нахмурился. В советских учебниках такого не было. Это знание пришло само, словно он всегда это знал. Или... кто-то другой знал.

Машинально сунул руку под гимнастерку. Медальон сно-

ва был теплым.

«Если атака с задней сферы, то уход должен быть настолько внезапен, чтобы противник не успел выстрелить по проскочившему вперед истребителю. Значит, скорость должна быть достаточной, чтобы уйти на петлю и вновь пристроиться в хвост. А петля чем круче, тем лучше, тогда и при выходе успеть можно» . Мысли переполняли. Он начал набрасывать возможные маневры, способы атаки, уходы. Ему до жути захотелось взлететь и опробовать новые способы. Но, не имея возможности воплотить в жизнь, только заполнял мелким, бисерным почерком новые и новые листы рабочей тетради. Наконец долгожданный день прибытия самолетов наступил.

Первый боевой вылет на новой машине. Волновался Павел отчаянно, и не понять из-за чего: «Или после прыжка страх не прошел?»

Однако пустое. Вырулил на полосу и, набрав обороты, снял тормоз. Разгон вышел совсем коротким. ЛаГГ свечой ушел в небо. Пока взлетели все, успел сделать коробочку над аэродромом и опробовать управление.

Машина реагировала на каждое движение ручки управления. Такое чувство, что это не она летит, а сам стал ее продолжением, или она твоим. Поднялись на потолочную высо-

ту и, встретив группу бомбардировщиков, пошли через линию фронта.

Чтобы не терять подопечных, периодически скользили вниз, делали горку и вновь набирали высоту. Звено вел командир эскадрильи. Орденоносец, воевал еще в Испании.

Комэск поменял высоту и, чуть довернув машину, нырнул в облако. А выходя из него, попал в переплет. Прямо на Данилу несся вражеский истребитель. Превосходство в высоте позволяло ему прошить самолет ведущего враз, однако немец промедлил, видимо, не поверив удаче, и тут из белесого марева вынырнул нос Пашиного истребителя. И хотя Говоров еще сам не успел разобрать, что случилось, а рука уже сбила колпачок и выжала гашетку всех пулеметов. «Мессер» вспыхнул и, кувыркаясь, рухнул вниз.

Проскочив место скоротечной схватки, звено уже неслось дальше, набирая высоту.

Встав в боевой порядок, Павел заметил, как из соседней машины кто-то машет ему, стремясь привлечь внимание. Он качнул крыльями. В ответ командир эскадрильи показал большой палец и от избытка чувств хлопнул по стеклу кабины. Понять его восторг было легко. Смерть глянула в глаза и -промахнулась. Не успей ведомый расстрелять немца, го-

реть бы орденоносцу, как простому новобранцу. Однако уже через секунду все забылось. Внимание сосредоточилось на заходящих в боевой разворот «пешках».

Какие цели у бомбовозов Пашу не интересовало. Дай бог разгрести свои заботы. Их задача проста и незатейлива. Чтобы грузовики отбомбились и ушли без потерь. А «мессеры», поднятые по тревоге, уже появились. Если сбитый был просто свободным охотником, то сейчас на них шел плотный кулак. Они грамотно выскочили на высоте атаки и, разбираясь на пары, кинулись к беззащитным бомбардировщикам. Сложность бомбометания в том и состоит. Зайдя на боевой курс, рыскать нельзя. Пусть тебя расстреливают в упор, идти нужно по прямой.

Круговерть воздушного боя похожа на рукопашную. Кто, где? Свои, чужие? Все после. На рефлексах, на удаче, и только потом, если повезет, можно попытаться анализировать его ход.

Главное, отбились. Бомбовозы, скинув смертоносные подарки, медленно уползали на восток. Немцы, связанные круговоротом схватки, даже и пожелай они того, вдогон не кинулись.

«Пора» , -решил летчик, качнул крыльями, выполнив

несложный маневр.

«Считаться будем дома. Это золотое правило. Пока не сел, значит, еще не вернулся. Сколько осталось?» -не забивая голову пустяками, пошел в набор высоты. Уже на входе в облака заметил ведомого, он чудом зацепился за хвост и не отстал. «Молодца» , -похвалил Паша друга.

Он заложил глубокий вираж и двинулся следом за группой.

Истребители проскочили небольшой слой облачности и летели навстречу сияющему солнцу.

Бомберы, хоть и ушли спокойно, однако все равно оставались легкой добычей шакалов люфтваффе. Попадается такой на обратном курсе, а они любят пастись в свободной охоте, и вся работа насмарку. Троих запросто сбить может, пока выстроятся для защиты. Спасла удача. Заметив вдалеке горбатые силуэты, довернул и двинул следом, внимательно следя за обстановкой. Ведомый, повторив его действия, один в один шел в третьей четверти.

Пятерка «мессеров» зашла по науке, от солнца. Они, словно пираньи, набросились на беззащитный строй «пешек».

Павел до упора вытянул РУД, потянул ручку управления на себя. Первого он разнес на максимальной дистанции сближения. Фюзеляж вражеского истребителя стал весьма вкусной добычей. Очередь разнесла фонарь и достала двигатель. «Сто девятый» закоптил и рухнул в отвесное пикирование. Вошел, словно гвоздь, вбитый умелым плотником. По самую шляпку. А Паша уже выцеливал второго. Однако эффект внезапности уже себя исчерпал.

«Ганс» вывернулся, встал на крыло и ускользнул. Но остальные нападающие уже открыли огонь. Однако бомберы, предупрежденные Пашиной атакой, успели встать в круг и добросовестно отбивали нападение.

«Чтоб тебе» , -Паша вновь отработал педалями, уходя от неведомо как возникшего у него на хвосте «мессера». Ас не полез в круговерть схватки, а подстраховывал в отдалении.

Маневр чуть не сорвал машину в штопор.

- Врешь, зараза, -рявкнул Павел. И тут в голове пронеслась чужая подсказка -короткая, на немецком: «Rolle, dann ziehen!»

Его машина крутанулась и бросило в странную, неизвестную никому в мире, фигуру высшего пилотажа. Оша-

лев от подобной выходки, немец потерял долю секунды и не успел среагировать, форсированный движок промчал супостата вперед.

Выведя самолет из смертельного пируэта, он сумел-таки зацепиться за хвост недавнего обидчика и, едва поймав цель в визир прицела, выжал гашетку. «Мессер» вздрогнул и, вмиг потеряв свою грозную элегантность, беспорядочно кувыркаясь, полетел навстречу с землей.

Только теперь летчик вспомнил о ведомом. Покрутил головой и с удовлетворением обнаружил, что тот не отстал: «Молодец, пацан» .

Оставшиеся без вожака и растеряв превосходство, немцы дружно разошлись в стороны, уходя от схватки.

Помахав крыльями флагману тихоходов, Павел решил возвращаться.

На аэродром вышли уже с сухими баками. Наверное, только привычка заставляла насосы вытягивать последние граммы горючки. Сели без подготовки. Поперек полосы, едва увильнув от взлетающей пары, но целые.

«Это да, это весело» , -стянул Павел шлемофон и провел

по лицу, размазывая соль и слезы.

- Товарищ капитан, -доложил он, зайдя на КП. -В воздушном бою звено уничтожило три истребителя противника. Сопровождали бомбардировщики до точки расхождения, -голос его слегка подрагивал от возбуждения. И то сказать, шутка -завалить три «мессера» в одном бою.

А вот глаза капитана остались холодными. Он опустил руку от пилотки и, глядя в сторону, проскрипел:

- Вам надлежит прибыть в штаб. Срочно. Машина ждет, - и отвернулся, как будто его чрезвычайно заинтересовала ленивая перепалка между техниками, происходящая за стеклом «вороньей слободки» КП.

- Ого, -удивленно присвистнул Серега, узнав, что командира вызывают наверх. -Слушай, ну точно, награду оформлять. Это не хухры-мухры... Поздравляю, -радовался безыскусный паренек.

А вот Паше было не до веселья. Насторожил его этот отстраненный, ускользающий взгляд руководителя полетов.

Однако, не чувствуя за собой особых проступков, ехал спокойно. Смутила только фигура сопровождающего.

Старшина сидел рядом, угрюмо посматривая на спутника и придерживая оттопыренный карман рукой.

Войдя в помещение штаба, обратился к дежурному. Сержант почесал в затылке, вспоминая, и, наконец, радостно сообщил:

- Так особист интересовался. Лично товарищ лейтенант подошел и распорядился. Точно, точно. И машину он посылал. Во, -деревенский паренек, хоть и прослужил уже три с лишним года, а так и не избавился от простоты и незамысловатости речи. -Так что, к товарищу лейтенанту вам.

Он козырнул и принялся разглядывать вывешенный в коридоре приказ начальника штаба.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» , -выдохнул Говоров.

Шагнул в кабинет и, отыскав глазами фигуру склонившегося над бумагами особиста, рявкнул о своем прибытии.

Однако тот неторопливо дописал строчку, аккуратно положил перо на краешек чернильницы и промокнул текст матерым бронзовым пресс-папье. Павел заскучал, отвел глаза в сторону.

Когда вновь сосредоточил внимание на хозяине неласкового кабинета, тот уже внимательно смотрел на него.

Пауза разрядилась негромким стуком. Это картонная папка легла на стопку таких же бордово-красных документов.

- Доложите о вашем сегодняшнем вылете, товарищ младший лейтенант, -медленно, веско, явно работая под манеру Вождя, попросил хозяин.

Павел кратко рассказал о сбитых самолетах. И замер, ожидая реакции.

- Вот как? -удивленно поднял брови особист. -Так вы герой? А вот у меня есть сведения, что во время совершения вылета в составе эскадрильи вы, нарушив руководящие документы, устав РККА и Директиву Верховного Главнокомандующего, покинули свое место в боевом порядке.

А следовательно, совершили дезертирство. И подлежите суду военного трибунала. По законам военного времени. Он замолчал, глядя, как меняется лицо летчика.

- Что молчишь, гнида? -внезапно сорвался на крик особист. Впрочем, крикнул не в сердцах, а, скорее, по обязан-

ности, потому как закончил вполне мирно: -Вот рапорт твоего командира. А это объяснительные твоих товарищей, которых ты предал и бежал. Пока они кровь проливали... -но тут, очевидно, «летехе» наскучило играть спектакль.

Опустился на стул, нахлобучил фуражку на реденькую шевелюру, отчего уши смешно оттопырились, и он стал походить на огородное пугало.

- Сдать оружие, -приказал он уже обычным голосом. И крикнул, обращаясь за дверь: -Иванов, зайди.

В дверях возник хмурый старшина. Не мигая, уставился в спину Говорова и явно был готов к немедленным действиям.

Холодной рукой Павел вынул из кобуры оружие. Аккуратно положил на зеленое сукно стола.

- В карцер его пока закрой, после на гарнизонную гауптвахту отвезем, -распорядился лейтенант, убирая оружие в обшарпанный сейф: -Увести арестованного.

Старый подвал, громко названный карцером, встретил затхлым сумраком.

- Снаряжение позвольте, -старшина, не рискуя хамить,

пусть и арестованному, но командиру, дал понять, кто сейчас главнее. Павел, ничего не соображая от быстроты произошедшей метаморфозы, расстегнул ремни.

«Сейчас доложат командиру, и все прояснится» , -попытался успокоить он себя.

Однако уже засосало под ложечкой в недобром предчувствии. Больно часто в предвоенные годы звучали глухие рассказы о ночных арестах врагов народа.

«А ведь, формально, особист прав» , -мелькнула паскудная мыслишка. - «Вышел из боя, бросил командира звена, нарушение летного устава явное. Но это же глупость. Нарушил, ладно, арестуйте, гауптвахта для того и придумана. А причем тут... Я же в бой пошел, а не назад. Странно. Может план у них по дезертирам горит?»

«А вот наколка у лейтенанта интересная» , -вспомнился Говорову странный узор на запястье оперативника. - «Не положено ведь?»

Он всмотрелся в темноту: «Ох ты, как здесь сидеть? Тут и стоять невозможно» .

- Входи, орелик. Чего застыл, как не родной? -прозвучал

из глубины надтреснутый баритон.

- Кто тут? -Паша вздрогнул.

- Кто-кто, хвост от пальто, -разухабистый голос напомнил о заполонивших улицы в последний мирный год блатняках.

Лейтенант напрягся, собираясь дать отпор урке.

- Да не журись, босота, -добродушно хохотнул обитатель подвала. -Мы с тобой здесь оба арестанты, чего ты? Садись вот на ящик. Сейчас огня запалю.

Чиркнула спичка, и затрепетал слабый огонек коптилки. Из темноты выплыл низенький потолок, кирпичные стенки, заросшие плесенью. И невысокий мужичок в пиджаке и характерной кепочке-шестиклинке. Рубашка апаш, куча значков на широком клетчатом обшлаге.

«Точно уголовник, но что он тут делает?»

И словно отвечая на немой вопрос, парень приподнял кепку. Оттопыренный палец и задорная улыбка. Сверкнула сталь фиксы.

- Жора. Кличка «Маленький», -представился человечек.

-С Бобруйской кичи немцы выпустили, живи не хочу. Так нет, патриот хренов, решил на восток уйти, вот и дошел. Повязали. Свои и взяли... Уже в тылу. Шпионаж лепят, -попросту объяснил новый знакомый свой статус. -Верь не верь, а вот он я, -и добавил: -А ты, смотрю, козырный. Летчик? Чего ж в трюм-то? Али Родину продал? -от легкости, с какой произнес сокамерник страшные слова, бросило в жар.

Павел вскочил, норовя ухватить провокатора за шиворот. Однако не углядел брошенную на пол рванину, запутался и чуть не упал.

- Ладно, ладно. Молчу, -босяк отодвинулся. -Вижу, идейный. Ты не гоношись. Вспомни, что и тебя не на курей бабкиных разводят. Ведь так? Ну представь, что и я не предатель. Может такое случиться? Во-от. А то сразу.

Павел немного успокоился и вернулся на место, замер, осознавая свое положение. А и верно. Скажи я кому, мол, по ошибке. Что подумают? Отмазывается, скажут, подлюка. Глаза отводит. Органы не ошибаются. Сам ведь сколько раз слышал.

Нехотя произнес:

- Лейтенант Павел Говоров. Истребитель.

- Бывший, -пробормотал из угла собеседник.

- Чего? -опешил Павел.

- Бывший, говорю, истребитель, -объяснил Жора. -Мы ведь с тобой, соколик, за НКВД сидим. Так что? По закону военного времени, меня в расход, тебя уж, как повезет. Или в могилевскую губернию, или в лагерь. А после зоны назад хода нет. Кто изменнику самолет доверит?

- Да я ж не виноват совсем. Какое дезертирство. Три «мессера» завалил. Как же?

Павел обхватил голову руками, начиная сознавать, что все это всерьез.

Понемногу отчаяние поутихло. Лейтенант вскинулся и завертел головой, осматривая уголки подвала.

- Дохлый номер, -жиган затянулся папиросой и разогнал вонючий дымок. -Я прошмонал. Голые стены.

- Так и сидеть? Ждать? -лейтенант вздохнул. -Глупо.

- Сидел, бежал, да на вокзал, -отговорился шуткой сосед.

Помолчал. -Да было дело, -уже серьезно отозвался он, поправляя фитилек. -Нам не сидеть никак невозможно. Урка в тюрьме дома, на свободе в гостях.

- Не понимаю. Это как-то неправильно. Разве можно к тюрьме привыкнуть? -Павел, не имевший дел с блатными, не мог постичь психологию вора.

- А мне выбор был? -Жора подсел ближе. -Я сам с двадцатого. Отца в гражданскую убили. Мамка в двадцатом померла, через год. Беспризорничал. А оттуда одна дорожка -по этапам, по централам.

День прожил, скажи спасибо. Вот и на фронт потому не забрали. У тебя, говорят, судимость непогашенная. Да я и не рвался. Прости за прямоту. Без меня есть кому.

- Да ты контра?.. -не зло, скорее недоуменно протянул Павел.

- Сам ты «контра», а я «социально близкий». Понял? Товарищ Сталин так и сказал: «Уголовник -это тот же пролетарий, только еще несознательный».

- Ой, брешешь, -не поверил Говоров. -Чтобы Он так сказал? Брешешь.

- Ну-ну. Вот если повезет, и тебя в ближайшем лесочке в распыл не выведут, а по трибуналу на четвертной пристроят, тогда и поймешь, кто такие уголовники, -парировал Жорик.

Содержательную беседу прервал ужин. Старшина приоткрыл дверь и поставил на пол два котелка с горячим.

- Лопайте. Да быстро, а то посуду сдавать нужно, -поторопил он заключенных.

Павел брезгливо попробовал жидкий супчик. Вонючая капуста, несколько полусырых картофелин.

- Да уж. Не комсоставская столовая, -рассмеялся жулик, сноровисто работая ложкой. -Ты давай, давай, не тяни, а то он, если не успеешь, утром вообще не даст.

Кое-как проглотив баланду, лейтенант почесал затылок:

- Да как тут спать-то?

Жора прикурил от слабеющего огонька:

- А как есть, так и спи. Не до жиру.

Ночь прошла беспокойно. Только к утру удалось заснуть. А проснулся от громкого пения. Заполошно покрутил головой. В свете лучей утреннего солнца, бьющих сквозь щели досок, увидел, что сосед его уже проснулся.

- ...Дорога дальняя, казенный дом, -самозабвенно выводил Жорик.

- Ты чего орешь? -изумился Павел.

- Орешь -это ты, а я исполняю... -отвлекся певец. -Вставать пора, кончай ночевать. Сейчас перекусим, и по новой начнется, -он потянулся. И продолжил:

...Допрос окончился, прощай, обновочки,
Дан под копирку нам приговор.
Всего три подписи... печать и корочки.
Теперь мальчишечка -навечно вор.

Хрипловатый голос, выводящий блатной мотивчик, звучал в грязном подвале как нельзя уместно.

- Не грусти, военный. Все пройдет, -жулик с замашками философа подмигнул сокамернику. -Ты, главное, за справедливость сильно не ори. Отобьют все внутри. Потом замаешься. Молчи и слушай. Сами решат чего и сколько. И слова

твои только тебе и навредят, -наставил бывалый арестант Говорова.

Однако до самого обеда никто за арестантами так и не пришел. Во дворе суетливо бегали солдатики, протарахтела санитарная полуторка.

- Эй, начальник, пожрать давай, -не выдержал Жора и замолотил в дверь, когда время подошло к вечеру.

Ответом стал тяжелый удар прикладом. Часовой, призывая к порядку, долбанул по доскам.

- Странно, -протянул Маленький, -думал, может, забыли про нас. Не, помнят. Тогда что? Подождем, -он повесил на гвоздь пиджак и, скинув короткие, смятые в гармошку, сапоги, улегся на доски.

- «...Когда спишь, обедаешь», сказал Д'Артаньян слуге, - пробормотал он, закрывая глаза.

И тут загремел ключ в замке. Дверь отворилась, и голос старшины скомандовал:

- Арестованный Говоров, на выход.

- Пожрать бы, гражданин начальник, -приподнялся с корточек уголовник.

- На том свете покормят, -усмехнулся выводной так, что у жигана мигом исчез весь гонор.

Присел у стены и пробормотал:

- Ну, не пуха тебе, браток. Если что, наверху встретимся, -хлопнул он по плечу уходящего. -Не боись, это недолго.

Оставшись один, арестант вздохнул и вполголоса затянул какой-то мотив.

Глава 3

- Стоять, лицом к стене, -рявкнул конвоир, введя арестованного в штаб.

Навстречу им, сопровождаемый командиром полка, шагал настоящий генерал.

Картина сама по себе необычная, а в захолустье, расположенном вдалеке от дивизии, а тем более от округа, и вовсе фантастическая.

Сердито глядя в одну точку, тот распекал подполковника: -Я тебе что, мальчишка? Ждать.

- Ты понимаешь, я завтра должен быть в Москве. Чья обязанность следить за воздухом? Командующего армией едва не сбили. В собственном тылу, стыдоба. А теперь этот идиот мне говорит, что некого отправить в сопровождение. Вы что, сдурели? -генерал выговорился и закончил, неожиданно спокойным, и даже интеллигентным, тоном: -У вас, подполковник, есть полчаса: подготовить самолеты прикрытия и обеспечить вылет. Все. По истечении срока решать этот вопрос будет другой командир полка.

Не слушая оправданий командира он миновал замершего по стойке смирно часового, но остановился и повернул голову к арестованному.

- А это кто? Что за анархисты у тебя, подполковник, по штабу гуляют? -спросил он у командира части.

- Почему не по форме? -сломав бровь в гримасе, уставился он на расстегнутый ворот Пашиной гимнастерки.

Комполка побледнел и заглотил воздух, как выброшенный на сушу карась: -Товарищ генерал, это арестованный, ведут на допрос в особый отдел.

- Вот как? -командарм развернулся к сопровождающему. -А что, у вас здесь и шпионы есть?

Подполковник смущенно замолк. Наконец, глаза его вильнули в сторону, и он произнес, словно через силу выговаривая слова: -Дезертир. Бежал с поля боя.

Павел не выдержал. Волна гнева захлестнула. Он выпрямился и шагнул вперед: -Никак нет.

Старшина рванулся к нарушителю, дергая из кармана револьвер. Но ладонь летчика, который уже не контролировал

свои поступки, как показалось со стороны, лишь легонько коснулась плеча охранника, и тот медленно сполз по стенке на пол.

- Я три самолета противника сбил. Есть данные и свидетели. На предполетном инструктаже был отдан приказ -сопровождать бомбардировщики. Я его выполнил. Все машины вернулись. Товарищ генерал, лейтенант, это клевета!

Он правду сказал? -словно невзначай, бросил командующий подполковнику. -Отвечай? Но смотри. Все равно узнаю.

Комполка, которому совсем не хотелось портить отношения с особистом, замялся.

- История непонятная. Товарищ генерал. Идет следствие. Органы разберутся, -попытался прибегнуть он к спасительной формулировке.

- Здесь я разбираюсь, -в голосе командарма прозвучал металл. -Спрашиваю последний раз. Приказ был, показания свидетелей есть? Сбитые подтверждены?

Комполка, поняв, что обман может стоить ему не только погон, лишь кивнул.

Генерал внимательно посмотрел на полковника: -Этот лейтенант, он летчик?

- Так точно. Лейтенант Говоров, военлет второго класса, -вытянулся командир.

- Приказываю. Вернуть оружие, оформить командировочное и подготовить самолет. Пойдет в сопровождение.

- А уж на месте я сам решу, куда его отправить. Там разберутся, -сыграл голосом командарм, передразнивая подчиненного.

Не решаясь перечить, подполковник поднес ладонь к фуражке.

Риторический вопрос вовсе не требовал ответа. Однако бес толкнул Павла под руку.

Жизнь вообще штука несправедливая. Хотя бы тем, что конечна, -неожиданно повторил он слова уголовника.

- Сам, что ли придумал? -удивился генерал.

- Никак нет. Гражданский, со мной в карцере сидит, он сегодня сказал, я запомнил.

Генерал подозвал командира полка: -У тебя здесь что, боевой полк или колония? Одни арестанты.

Полковник сверкнул глазами на подчиненного, но только вытянулся по стойке смирно.

- Значит, так, лейтенант пусть готовится к вылету. Я в комнату отдыха, а ты распорядись доставить этого арестанта ко мне. Нужно разобраться, что тут у вас за дела творятся. - Завершил разговор командующий.

Слова его слегка царапнули сознание Павла, но радость от того, как разрешилось его дело, вытеснила мимолетное удивление. Тем временем, кряхтящий от боли старшина поднялся с пола и, растирая плечо, беззлобно произнес:

- Ну и хватка у тебя, сынок. Однако не будь здесь генерала, я б все равно тебе пулю в бок, успел бы всадить. Побоялся его зацепить.

- Пройдемте, товарищ лейтенант, я верну вам оружие, - перешел он на официальный тон. Но не сдержался и добавил: -Молите бога, чтобы успели самолет приготовить до того, как особист вернется. Он сейчас в отъезде. Так мыслю, от верной смерти ты, парень, чудом ускользнул.

Больше старшина к теме не возвращался. А Павел, получив снаряжение и документы, кинулся в казарму, торопясь собрать вещи и вернуться к капонирам, чтобы проследить за подготовкой самолета к вылету.

Генерал сидел в крепком, скроенном из цельных кусков дерева, кресле и задумчиво просматривал свежий номер газеты.

Стук в дверь оторвал от чтения. Он поднял глаза. В проем заглянул красноармеец.

- Задержанный доставлен, -рявкнул он, поедая глазами небожителя.

Боец впустил арестанта и закрыл дверь.

Жора, пытаясь держаться независимо, переступил на мягких подошвах. И поднял глаза на высокое начальство.

- Ну, здравствуй, Маленький, -негромко произнес генерал, поднимаясь на ноги. Он шагнул к урке, и тот, замерев от неожиданных слов, с изумлением всмотрелся в суровые черты лица собеседника.

- Мать... -охнул жулик. -Павел Андреевич. Так ведь сказали, что расстреляли тебя, вас, -выдохнул арестованный. Жора замялся, не решаясь протянуть руку.

Но генерал сам шагнул навстречу и обнял нелепую фигурку.

- Думаешь, я забыл, как ты меня на шмоне от вертухаев спас? -прошептал он на ухо жигану. -Сколько тебе изолятора влепили, десять суток?

- А меня еще в сороковом оправдали, и ордена вернули, и звание, -генерал отстранился и указал на стул: -Садись, чайку попьем. Как ты-то здесь оказался? Спер что-нибудь опять?

Выслушав историю босяка, он задумался: -Да, попал ты, Жора, в переплет. А я, как тот паренек сказал про жизнь, думаю, кто это твой афоризм цитирует?

- Павел Андреевич, ты не забивай голову-то. Я ж понимаю, тебе за меня подписываться нынче не резон, -ответил Жора. -А паренек нормальный. Я людей сразу вижу. Ты его не отдавай этим упырям. Чую напраслину на него гонят. А паренек правильный, духовитый.

- С ним я сам разберусь, -грубовато отмахнулся генерал. -Ты бы о себе подумал.

- А что я? Пока живой -жить буду, смерть придет -помирать. Знать планида такая, -невесело усмехнулся собеседник.

- Вот, значит, как? Ты, выходит, по совести решил, когда за меня стоял, а я с помойки?.. -генерал сердито взъерошил седой ежик коротких волос.

- Ладно, правда твоя, не могу я приказать, чтобы тебя выпустили. Не имею права. А сделаем мы иначе.

Он склонился к сидящему.

Боец, охраняющий вход в комнату, где отдыхал командарм, услышал слабый крик и падение тела, рванул дверь и увидел лежащего на полу хозяина, распахнутое окно и колышущуюся занавеску в проеме окна.

А уже через полчаса самолет с генералом на борту оторвался от летного поля.

Истребитель Павла взлетел через несколько минут после транспортника и, легко догнав тихохода, взял его под охрану.

Летчик уже совсем выкинул из головы происшествие, едва не стоившее ему жизни, и привычно бубнил под нос, перевирая слова: «Нам Сталин дал стальные руки, крылья, а вместо сердца -пламенный мотор» . Теперь его даже не беспокоило предстоящее возвращение в часть.

Полет шел нормально, и чем дальше они уходили от прифронтовой полосы, тем спокойнее чувствовал себя сопровождающий.

«Какие тут немцы» , -беззаботно хмыкнул он над перестраховщиком в генеральском мундире. И чуть было не зевнул выскользнувшие со стороны солнца самолеты. Пара истребителей странного, вовсе незнакомого Павлу силуэта, рухнула на мирно чапающий транспортник, намереваясь расстрелять его с первого захода.

Говоров кинул свою машину наперерез, ловя в перекрестие прицела крайнего. Однако гашетка сухо клацнула и только. Вместо привычной дрожи от работающей пушки - ничего. Осечка? Отказ?

Он перенес палец на тумблер пуска РСов. Приспособленные для стрельбы по наземным целям, они могли лишь отпугнуть «гансов», но даже такой вариант был бы во благо.

Увы, и эта попытка не увенчалась успехом.

Нападающие, заметив нового участника шоу, дружно заложили крутой вираж. «Ход мысли совершенно правильный. Транспорт от них никуда не денется, а вот истребитель несет угрозу» , -бесстрастно оценил класс врага Павел.

Теперь самолеты выровнялись и шли почти параллельными курсами, настигая проигрывающий в скорости ЛаГГ.

«Что это за зверь такой?» -мимоходом подивился Павел необычной ходкости немецких машин. - «Однако, не до любопытства. Сейчас достанут, и привет» . Неожиданно Паша вспомнил книжку, читанную еще до войны. Какого-то иностранного автора, про пиратов: «Одиссея... там чего-то. Но вот идея подходящая» .

Летчик прикинул возможное развитие ситуации и обвалил нос истребителя в крутое пике. Стрелка высотомера крутанулась, словно взбесившийся вентилятор. Теперь, чтобы не отстать, его преследователи вынуждены были перестроиться. И в момент, когда земля с пугающей скоростью заполнила весь обзор, заставил себя отвлечься.

Крутанул головой так, что захрустели позвонки. «Пора» , -недрогнувшей рукой опустил закрылки -маневр, выполня-

емый только при заходе на посадку, в полете вызывал резкое сваливание машины в штопор, однако, четко контролируя машину, он вернул рули обратно точно в нужный момент.

Самолет словно взбрыкнул и резко замедлил скорость. Миг, и летучие шакалы настигли добычу, однако маневр жертвы сбил их с толку, и они сравнялись с преследуемым. И в этот момент Павел выжал педаль, исполняя подобие бочки.

А вот нервы шедшего справа немецкого правого аса не выдержали, он рванулся в сторону, инстинктивно добавив скорость. Делать этого в опасной близости от земли ему не стоило.

Машина фашистского пилота перевернулась кабиной вниз и клюнула носом. Выводя истребитель из пикирования и задыхаясь от дикой перегрузки, Павел не видел, как немецкий самолет врезался в заросший деревьями холм. Однако звук взрыва подтвердил: «Минус один» .

Но веселиться было еще рано. Второй, хоть и ошарашенный выбытием из игры напарника, рванул за Пашей.

«Ну что ж, поиграем» , -уже весело хмыкнул лейтенант. Он набрал высоту, разглядел силуэт удирающего транспорт-

ника. На фоне неба отчетливо была видна хвостовая турель.

Говоров прищурился, шевельнул ручку управления, совершая плавный разворот, и вскоре его ЛаГГ настиг самолет командующего. Немец, похоже, сообразил, что странный русский не стреляет вовсе не из пацифистских настроений, и догонял его, почти не заботясь о защите. Очередь прошла мимо, но заставила Павла кинуть самолет в небольшой вираж. Слава богу, у стрелка транспортника достало ума сообразить, зачем истребитель выводит вражескую машину под стволы его пулемета. И едва Паша проскочил мимо, выжал курок.

«Ганс» влетел в веер разрывных конфетти, словно волан в ракетку. Двигатель захлебнулся. Фонтанчики искр уползли на стекло кабины и прочертили фюзеляж. Взрыв разметал вражеский самолет. Мелькая черными пятнами крестов, обломки закувыркались к земле.

«Вот и ладушки» , -вытер Павел мокрое лицо. - «Даже не замерзли» .

Остаток пути до аэродрома подскока летели уже без происшествий.

Посадив машину на полосу маленького полевого аэродро-

ма, Павел вылез из кабины и застыл, стоя на земле в тени лопасти и только тут заметил едущую по полю машину.

К месту, где замер его ЛаГГ, мчался автомобиль. Открытый кузов полуторки болтало на кочках, однако отчаянный водитель, не сбавляя хода, подлетел к самому капониру.

- Эй, летчик, ко мне, -заорал из кабины пассажир. «Явно, старший по званию» , -разглядел Павел. Несмотря на строгий приказ, носить петлицы только защитного цвета, многие знаки различия так и не поменяли.

«Ого, две шпалы» , -наконец, разобрал лейтенант. Кое-как стянув сбрую, извернулся и соскочил на пыльную траву.

Подошел к стрекочущему двигателем грузовичку.

- Лейтенант Говоров, сопровождал... -начал он доклад.

Но командир заорал, срывая голос: -В кузов, лейтенант! Командующий приказал доставить, срочно! Бегом, я сказал! -не выдержал служака, видя, что летчик не торопится.

Едва Павел свалился в кузов, как машина прыгнула вперед. -Чего это они? Сбесились? -недоумевал летчик, трясясь на грязных досках кузова.

Войдя в кабинет, увидел своего спасителя, сидящего за столом, над которым висел привычный портрет Вождя.

- Ну? -встретил генерал появление авиатора гневным рыком. -Что это за фортели? Тебе доверили, а не в цирке выступать... -разъяренный командарм вдохнул воздуха, собираясь продолжить разнос.

- Разрешите доложить, -рискованно вклинился в монолог Говоров. -В связи с отсутствием боезапаса, вынужден был принудить одного нападающего выйти из боя, а второго подвел под пулемет «Дугласа».

- Как отсутствия?.. -словно не веря ушам, эхом повторил генерал.

Говоров замер, не считая нужным добавлять ничего в свое оправдание. Он и так сделал гораздо больше, чем мог, и вины за собой не видел.

Похоже, и до собеседника начала доходить причина выходки его защитника.

Он снял фуражку, смахнул с козырька невидимую пылинку и вкрадчиво, тихим и проницательным голосом, спросил:

-А почему? Кто проверял?

Павел, который точно помнил -перед вылетом оружейник доложил, что боезапас загружен, оружие в порядке -промолчал. Его обязанность была принять доклад. А не лазить по люкам, что, кстати, было бы грубейшим нарушением устава.

И тут он вспомнил, что на подходе к самолету видел, как от машины удаляется сутулая фигура. Но предвкушение вылета не позволило сопоставить. И только теперь память подсказала: «Особист. Точно. Как же он не узнал сразу? Непонятно. Но говорить о подозрениях генералу? Глупо» .

«Факт, что боезапас не загрузили, а почему -это пусть у начальства голова болит. Кто знает, может опер, расстроенный, что его добыча ускользнула, решил напакостить. А приказать оружейнику выгрузить боезапас несложно. Тот выполнит и голову забивать не станет зачем» .

- Думаешь, это тебе свинью подложили? -наконец поинтересовался генерал. -Тогда я могу лишь аплодировать. Без шуток. Но вот в полк тебе не стоит возвращаться. Передай самолет механикам, а сам шагай в мой «Дуглас». Скажешь адъютанту, оформит.

- Стоп, сглупил. Сам распоряжусь. В общем, иди в хвосто-

вой салон и отдыхай. А в Москве, если все будет нормально, мы тебе должность подыщем... Я добро помню, -генерал помолчал. -И еще, сам того не зная, кое в чем помог. Долг отдать, -пробормотал он негромко. -Ступай, лейтенант. Спасибо.

Генерал взял в руки папку с документами и сделал пометку.

Говоров проследовал из штаба на аэродром.

«Вот тебе и здрасьте» , -удивленно размышлял он. - «Как все завертелось? Словно нагадал кто?» -он вдруг вспомнил свою, уже порядком забытую, беседу в пустом селе.

Нужно ли говорить, как дико смотрелась его запыленная фигура, в унтах, свитере и подранной кожанке, в салоне транспортного самолета высшего командования. Чехлы на сиденьях, ковровые дорожки, лощеный адъютант в сияющих самоварным блеском хромовых сапогах, с открытой простецкой улыбкой и внимательным взглядом профессионального стукача.

Однако, доложив о распоряжении генерала, Павел, не обращая внимания на косые взгляды штабных попутчиков, уселся в кресло и тут же заснул. Сказалось неимоверное на-

пряжение последних дней.

Проспал Павел до самой Москвы. Адъютант вручил направление в штаб ВВС и сунул конверт: -Вот, держи. Генерал распорядился отдать. После, после, -остановил собравшегося раскрыть бумаги Павла. -Сейчас уже в ангар потащат. Топай в ДС, а оттуда на попутке.

Столица встретила дождем. Нудный, совершенно осенний, слякотный дождь зарядил на весь день.

- Утро стрелецкой казни, -буркнул летчик, запахивая воротник потертой летной кожанки. Вид, что и говорить, не столичный. Пока добрался до штаба, три раза цеплял патруль. Но обошлось.

Седой, похожий на присыпанную мукой амбарную крысу, каким-то чудом нацепившую гимнастерку старшего комсостава, кадровик недовольно просмотрел отношение.

Опытный крючкотвор верхним чутьем уловил необычность дела. Ему совсем не хотелось заниматься им. А вопрос, при всей своей кажущейся простоте, требовал осторожности.

«Когда, скажите, было, чтоб какой-то лейтенантишка на-

правлялся в кадры ВВС и не только без сопроводиловки и личного дела, а и даже без аттестата. Чудеса. Но вот подпись. Эта подпись знающему человеку говорила о многом» .

«Фамилия, еще совсем недавно опального героя событий на озере Хасан, неожиданно восстановленного в прежней должности комкора дорогого стоит. Этот генерал и в прежние времена славился своей решительностью и способностью идти в достижении цели напролом, а теперь и подавно» .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.